

Установление интересов субъектов отношений и конкретизация объекта преступления

Аннотация. В статье рассматривается значение интересов субъектов отношений для установления объекта преступления. Концепция «объект преступления — общественные отношения» универсальна, но имеет недостаток: как явление, общественные отношения неосозаемы, а как понятие — абстрактны. Это представляет сложности для правоприменителя. По мнению автора, одним из способов конкретизации объекта преступления является рассмотрение его через интересы субъектов, как возможности действовать или пребывать в определенном состоянии. Уголовный закон, абстрагируясь от конкретных, частных случаев, устанавливает охрану потенциальных возможностей граждан, реализация которых способствует развитию общества. Общественные отношения и интересы нет смысла противопоставлять, поскольку отношения возникают и развиваются для реализации субъектом своих интересов. Особое значение приобретает интерес при установлении социального вреда общественным отношениям, которые выражаются в деятельности их субъектов, например отношениям в сфере экономической деятельности. Негативные последствия при воздействии на эти отношения проявляются не сразу, а через определенное время, что затрудняет установление осознания общественной опасности. По мнению автора, для конкретизации предмета предвидения правоприменителю следует устанавливать осознание субъектом не общественной опасности, а общественной значимости своих действий и предвидение наступления не общественно опасных последствий, а возможности причинения вреда интересам личности, общества и государства.

Ключевые слова: интересы, объект преступления, возможность действовать, общественные отношения, предмет предвидения.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.131-141

В конце прошлого и начале нынешнего века в доктрине уголовного права наметилась тенденция отхода от концепции «объект преступления — общественные отношения» и принятия концепции «объект — интерес». Это, по мнению ее сторонников, продолжает традиции российской уголовно-правовой науки и соответствует современным взглядам на

© Винокуров В. Н., 2018

* Винокуров Виктор Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России

VinokurSiblaw@mail.ru

660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20

сущность, социальную ценность права и содержание правоотношения¹. Через причинение вреда интересам граждан, общества и государства законодатель описывает последствия преступления в нормах Общей (ч. 3 ст. 12, ч. 1 ст. 37) и Особенной частей (ст. 137—140, 201, 285) УК РФ. На этом основании объектом преступления предложено считать не общественные отношения, а интересы их субъектов².

Понятие «интерес» рассматривают в психологическом (субъективном) плане как внутреннее эмоциональное отношение субъекта к объекту и социологическом (объективном) плане — как отношение между субъектами по поводу определенной потребности в аспектах³. Поэтому интерес — это объективно-субъективная категория, выражающая *направленность* деятельности субъектов на предметы, способные удовлетворить их потребности⁴.

В доктрине уголовного права досоветского периода интерес рассматривался в объективном аспекте. «... Право в субъективном смысле, — писал Н. С. Таганцев, — в свою очередь, представляет отвлеченное понятие, как и норма, а потому само по себе по общему правилу не может быть непосредственным объектом посягательства, пока оно не найдет выражение в конкретно существующем благе или *интересе*». Поэтому «...для бытия преступного деяния необходим определенный, материально или идеально существующий, проявляющийся предмет. Субъективное право делается доступным для посягательства (доступным для восприятия последствий. — *Прим. В. В.*) на него только тогда, когда оно реализовалось, воплотилось в сочинении, картине, доме, поместье и т.п.». При этом охраняемые интересы могут иметь реальный (материальный) характер — жизнь,

здоровье, неприкосновенность владения или идеальный — честь, религиозное чувство, благопристойность. «Так, говоря, что воровство есть похищение чужого движимого имущества, мы этим указываем, что конкретным предметом, на который направляется преступное деяние, являются часы, кошелек и т.п., находящиеся в чьем-либо обладании, а отвлеченным объектом — норма права, определяющая отношения лиц по имуществу и защищающая неприкосновенность собственности». Интерес обычно совпадает с тем предметом, на который непосредственно воздействует виновный: здоровье как правоохраняемый интерес совпадает с выбитым глазом, переломанными ребрами, но интересы идеальные могут различаться с теми предметами, на которые направляются действия виновного и без повреждения и или без изменения которых не может быть посягательства на интерес⁵. Таким образом, понятие «интерес» использовалось для конкретизации объекта преступления — субъективных прав, охраняемых уголовным законом, проявляющихся через последствия преступления в виде возможности пользоваться определенными благами — здоровьем, имуществом.

В советский период Б. С. Никифоров рассматривал интерес как возможность совершать определенные действия, где охраняемый правом интерес управомоченного лица — это составная часть отношения, обозначаемого как нарушение субъективного права. «При этом, — писал он, — возможность и интерес в жизни настолько переплетены друг с другом, что воспрепятствование реализации возможности или в соответствующих случаях не оказание содействия ее реализации всегда есть вместе

¹ Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск, 1999. С. 15.

² Мотин О. А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 14.

³ Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической концепции. Л., 1964. С. 29 ; Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 209.

⁴ Замосковцев П. В. Некоторые вопросы системы Особенной части советского уголовного законодательства // Сибирские юрид. записки. Омск — Иркутск, 1971. С. 7.

⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 32, 34, 178, 186.

с тем и нарушение интереса, ради которого лицу обеспечивается определенная возможность»⁶.

Другие ученые рассматривают интерес в виде возможности действовать определенным образом или пребывать в определенном состоянии как элемент структуры общественных отношений⁷.

Третьи отождествляют понятия «общественное отношение», «объект уголовно-правовой охраны», «социальная возможность», «интерес», употребляя их как синонимы⁸. Противопоставлять интерес и общественные отношения нет смысла. Создавая ценности, удовлетворяющие возможности (интересы), люди вступают в социальные связи и отношения, содержанием которых является деятельность его участников, направленная на реализацию интереса и удовлетворение на этой основе потребностей⁹. Поскольку общественные отношения складываются по поводу и для реализации их субъектами своих интересов, то предметом отношений следует признавать интересы субъектов¹⁰, — государства, юридических, физических лиц, заинтересованных в установлении и соблюдении определенного порядка.

Н. И. Коржанский полагает, что интересы как содержание общественных отношений и непосредственный объект преступления не заменяют их, а лишь указывают на осязаемую сторону отношений. Преступление только затрудняет или ликвидирует возможность удовлетворения интереса как осознанной потребности¹¹. Понятие «интерес» как возможность действо-

вать определяет направленность деятельности субъектов отношений.

В то же время В. К. Глистин, признавая связь интереса с общественными отношениями, считал, что объект преступления через интерес рассматривать нельзя. Поскольку преступление посягает на возможность действовать определенным образом и всегда воздействует на реальность, а не на абстракцию, нельзя говорить о последствиях преступления как о лишении субъекта какой-либо возможности. Преступление воздействует на фактическое отношение, что касается возможностей, то они лежат в плоскости будущего, т.е. происходит нарушение соотношения категорий «действительность» и «возможность»¹². Рассмотрим соотношение этих категорий. Действительностью является то, что существует реально, что уже наступило, проявилось. Возможность же — это то, чего еще нет, она существует реально, однако лишь как состояние, которого нет в действительности, но может проявиться вследствие присущей материи способности переходить из одного состояния в другое. Возможность, реализуясь, превращается в действительность, поэтому действительность является осуществленной возможностью, а возможность — потенциальной действительностью¹³. По мнению Е. А. Фролова, объект уголовно-правовой охраны — это реальные возможности участников общественной жизни, которые соответствуют интересам общества¹⁴. Н. И. Коржанский же полагает, что это слишком широкое определение, поскольку включает и аб-

⁶ Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 4, 69, 71.

⁷ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность: ее основание в советском уголовном праве М., 1963. С. 165—167; Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1969. С. 10—11.

⁸ Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. Вып. 10. Свердловск, 1969. С. 198.

⁹ Ляпунов Ю. И. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. М., 1974. С. 26.

¹⁰ Хилjuta В. В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. 2016. № 17. С. 77.

¹¹ Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 51, 52, 161.

¹² Глистин В. К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступления). Л., 1979. С. 59—60.

¹³ Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967. С. 352.

¹⁴ Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 18.

страктные, потенциальные возможности, и посягать на них на уровне непосредственного объекта невозможно. Нельзя нарушить возможность отдельного гражданина обучаться в учебном заведении, если он в нем не учится¹⁵. Но в том-то и дело, что уголовный закон, абстрагируясь от конкретных, частных случаев, устанавливает охрану потенциальных возможностей граждан, реализация которых способствует развитию общества. Возможность трудиться в безопасных условиях охраняется независимо от того, трудится человек или нет (ст. 143 УК РФ). Следует различать возможность потенциальную, лишь предоставленную, зафиксированную в законе, и возможность реализующуюся¹⁶. Следовательно, интересы как объект преступления — это потенциальная возможность субъектов действовать определенным образом, а совершение преступления препятствует ее реализации.

Также В. К. Глистин считает, что интересы непригодны для уяснения сущности и определения границ преступных последствий. Каждое преступление нарушает больший объем интересов, безразличных для уголовного права. Так, убийство дипломата причиняет вред интересам государства, его семье и т.д., но эти интересы безразличны для квалификации преступления и назначения наказания, если будет установлено, что убийство совершено на почве ревности, так как оно было направлено на разрушение его бытовых связей, и поэтому интерес обнаруживается через отношение¹⁷. Аналогично рассуждает и А. А. Бимбинов, указывая на бесполезность интереса при установлении объекта преступления, предусмотренного ст. 134 УК РФ. Так, половое сношение с лицом, не достигшим 16 лет, нарушает интересы семьи, общественной нравственности, однако не учитывается при квалификации и назначении наказания¹⁸.

Объем отношений, нарушаемых преступлением, в приведенном В. К. Глистиным приме-

ре, действительно очень большой. Но направленность действий виновного (месть на почве ревности) как раз и позволяет определить те отношения, которым в первую очередь причиняет вред виновный (отношения в сфере неприкосновенности жизни, а не внешней политики государства).

При половом сношении с несовершеннолетним, наряду с психическим здоровьем личности, причиняется вред и отношениям в сфере функционирования семьи как ячейки общества, и общественной нравственности. Но поскольку виновный воздействует на возможность нормального психического развития, то ответственность за эти действия и предусмотрена в гл. 18 УК РФ. Соответственно, интерес как возможность пребывать в определенном состоянии способствует установлению характера причиненного вреда и объекта преступления.

Кроме этого, по мнению В. К. Глистина, интересы отдельных субъектов могут не совпадать с интересами государства. Так, совершение преступления, предусмотренного ст. 143 УК РСФСР (ст. 148 УК РФ), не объясняет сформулированного в ней запрета, так как государство не может признавать религиозные интересы граждан ценностью, требующей их уголовно-правовой охраны. Если объект этого преступления рассматривать через понятие «общественные отношения», то им следует признать общественные отношения по поводу отправления религиозных культов¹⁹. В данном случае непризнание интересов объектом преступления обосновывается несовпадением интересов государства и граждан. Однако если интересы граждан не противоречат интересам других лиц, общества и государства, то их реализация может быть поставлена под охрану уголовного закона, поскольку через субъективное право реализуется не весь объем интереса, а лишь «отмеренный» субъекту субъективным правом и «оформленный»

¹⁵ Коржанский Н. И. Указ. соч. С. 47 ; Глистин В. К. Указ. соч. С. 59—60.

¹⁶ Матузов Н. А. Личность. Права. Демократия (теоретические аспекты субъективного права). Саратов, 1972. С. 126—127.

¹⁷ Глистин В. К. Указ. соч. С. 83.

¹⁸ Бимбинов А. А. Ненасильственные половые преступления. М., 2017. С. 40.

¹⁹ Глистин В. К. Указ. соч. С. 69—70.

в законный (правоохраняемый) интерес²⁰. Эту часть интереса, удовлетворение которой возможно путем реализации субъективного права, и следует признавать элементом структуры объекта преступления²¹. Следовательно, объектом преступления следует признавать правоохраняемые (законные) интересы как отраженную в объективном праве либо вытекающую из общего смысла юридическую дозволенность, выражающуюся в стремлениях субъекта пользоваться определенными благами и гарантированную государством, а также обращаться за защитой в целях удовлетворения своих интересов, не противоречащих общегосударственным²². Так, военнослужащий, покидая поле боя для спасения своей жизни, действует в личных интересах и противоречит интересам государства, а потому не подлежит уголовно-правовой охране²³.

В то же время государство признает преступлением действия, которые хотя и посягают на запрещенную законом возможность граждан действовать определенным образом, но тем не менее посягают на интересы государства. Согласно п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», как мошенничество следует квалифицировать действия лица, которое получило от кого-либо ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки и, не намереваясь этого делать, присвоило их.

В теории полагают, что в подобных случаях нет объекта мошенничества — правоотношений, т.е. общественных отношений, возникающих на основе норм права (противоречащие им

отношения УК РФ не охраняет), а использование собственником принадлежащего ему имущества вопреки закону противоречит п. 2 ст. 209 ГК РФ. Квалификация указанных действий по ст. 159 УК РФ основана на социалистическом представлении об опасности незаконного обогащения, с чем справляется ст. 169 ГК РФ, признающая ничтожность сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности²⁴. Такие действия предложено квалифицировать как подстрекательство к даче взятки, или обещание, или посредничество во взяточничестве (ч. 5 ст. 291 УК РФ). Уголовный закон должен защищать позитивные, полезные отношения, негативные он охранять не должен. Соответственно, не признается преступлением и хищение «похищенного», если субъект знал, что завладевает имуществом, полученным преступным путем, поскольку объект уголовно-правовой охраны — это только такие отношения, в упрочении и развитии которых заинтересовано общество. Если он не знал этого, то — как покушение на хищение. Завладение имуществом, которым лицо владело незаконно, с применением насилия следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья²⁵. Представляется, что указанные действия следует квалифицировать по совокупности преступлений как мошенничество (ст. 159 УК РФ) и подстрекательство к даче взятки либо обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291 УК РФ), поскольку они распространены и посягают как на имущественные отношения, так и на установленный и поддерживаемый государством порядок имущественных отношений.

²⁰ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 242.

²¹ Михалев И. Ю. Криминальное банкротство. СПб., 2001. С. 62—63.

²² Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 73, 170.

²³ Кузнецов А. В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР. М., 1969. С. 31.

²⁴ Шишко И. В. Указ. соч. С. 185—188.

²⁵ Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 10 ; Елисеев С. «Хищение похищенного»: проблемы квалификации // Уголовное право. 2008. № 1. С. 48—49 ; Елисеев С. А. Спорные положения постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4. С. 62—64.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», ответственность по ст. 226 УК РФ наступает в случаях хищения огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств как из государственных или иных предприятий или организаций, так и у отдельных граждан, владевших ими правомерно либо *незаконно*».

Завладение имуществом, которое уже похищено или которым обладали незаконно, не причиняет ущерб собственнику или владельцу, но общественно опасно из-за его распространённости. Поэтому в теории обоснованно предложено исключить из понятия хищения после формулировки «причинение ущерба» указание на собственника или иного владельца²⁶. Законодательное закрепление в качестве объекта уголовно-правовой охраны не только отношений собственности, подразумевающих правомерность владения, а всех имущественных отношений позволит признавать преступным неправомерное изъятие имущества у лица, похитившего его или владевшего им незаконно²⁷. Поэтому гл. 21 «Преступления против собственности» УК РФ следует переименовать в «Имущественные преступления», так как отношения, охраняемые ее нормами, не исчерпываются отношениями собственности.

Интерес наиболее четко проявляется в действиях субъектов. Взаимодействуя с другими членами общества, человек выступает носителем не всех, а то одних, то других возможностей. Говорить о личности как объекте уголов-

но-правовой охраны можно лишь на уровне общего объекта преступления. Но, поскольку личность «полисоциальна», для определения непосредственного объекта необходимо учитывать те социальные возможности, реализация которых затрудняет совершение преступления. Вводя в Особенную часть УК РФ новые главы, законодатель ставит под охрану определенные интересы участников отношений, когда однородность интересов определяется их одноплановостью, для реализации которых эти отношения существуют²⁸.

В философской и уголовно-правовой литературе интересы рассматриваются как форма выражения общественных отношений²⁹. Это положение основано на том, что «экономические отношения каждого общества проявляются как интересы»³⁰. По мнению Е. К. Каиржанова, интерес и общественные отношения соотносятся как явление и сущность, где интерес выступает выражением общественных отношений. Категории «явление» и «сущность» выражают соотношение поверхностных и глубинных уровней действительности. Сущность — внутренняя, глубинная, скрытая, относительно устойчивая сторона того или иного явления, определяющая его природу. Явление — внешние, наблюдаемые, изменчивые характеристики того или иного предмета³¹. Однако, как полагает В. К. Глистин, объект преступления нельзя рассматривать через интерес, который всегда скрыт как «сущность» и обнаруживается в общественных отношениях, в которые вступает личность³². Таким образом, возникает разногласие. Е. К. Каиржанов считает, что интересы — это явление, а общественные отношения — сущность, а В. К. Глистин считает, что общественные отношения — это явление,

²⁶ Складов С. В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Гос. и право. 1997. № 9. С. 66.

²⁷ Клепицкий И. А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 5. С. 82.

²⁸ Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность. С. 13—14.

²⁹ Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 49.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 18. С. 271.

³¹ Каиржанов Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления. Алма-Ата, 1973. С. 51, 56.

³² Глистин В. К. Указ. соч. С. 67.

а интересы — сущность, познаваемая через явление. Это разногласие основано на том, что сферы общественных отношений и характер интересов различаются. Так, совершенно очевидны общественные отношения как объект преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, политических и трудовых прав граждан³³. В то же время многие отношения, прежде всего экономические, скрыты от их непосредственного восприятия.

Сложно установить объект преступления, предусмотренный ст. 191 УК РФ: на первый взгляд непонятно, в чем опасность незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга. Но рассмотрение сути этого преступления как посягательства на возможность государства пополнять свой бюджет позволяет установить его объект — отношения по формированию бюджета.

Вред общественным отношениям, выражающихся в деятельности их субъектов, проявляется не сразу. Это затрудняет установление осознания общественной опасности. Интересы как возможность действовать определенным образом для участников отношений, выступающих объектом преступления, являются способом его установления и влияют также на законодательное определение умысла и неосторожности. Так, почти все нормы, предусмотренные гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ, бланкетные. Вред от их совершения проявляется через определенное время, поэтому субъект должен сознавать не только общественную опасность, но и противоправность совершаемых действий. В этой связи

в теории при формулировке умысла предложено указать на осознание не только общественной опасности, но и противоправности своих действий³⁴.

Рассмотрение интереса как возможности действовать определенным образом позволит конкретизировать предмет предвидения при установлении вины. По обоснованному мнению Н. И. Загородникова, если признавать непосредственным объектом общественные отношения, то для вменения лицу убийства следует установить, что оно создавало не только общественную опасность лишения жизни, но и что причиняет вред конкретному общественному отношению, что вряд ли возможно из-за абстрактности понятия «общественные отношения»³⁵. По данным А. Ф. Зелинского, лишь 14 % осужденных указали, что в момент совершения преступления осознавали его общественную опасность, а 82 % отрицали ее осознание³⁶.

Поэтому в теории предложено отказаться от категории «общественная опасность», заменив ее формулировкой «опасность для охраняемых уголовным законом объектов»³⁷, либо при описании умысла и неосторожности для конкретизации предмета предвидения устанавливать осознание субъектом не общественной опасности, а общественной значимости своих действий и предвидение наступления не общественно опасных последствий (нарушение функционирования общественных отношений определенного типа. — *Прим. В. В.*), а возможности причинения вреда интересам личности, общества и государства (конкретным субъек-

³³ Тацкий В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 69—76.

³⁴ Яни П. С. О значении принципа *ignorantia juris* poset для вменения составов экономических преступлений // Уголовное право в XXI веке : материалы Междунар. науч. конференции на юрид. ф-те МГУ 31 мая 2001 г. М. : ЛексЭст, 2002. С. 234—237 ; Шишко И. В. Экономические преступления: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 279—285.

³⁵ Загородников Н. И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовно-правовой политики и уголовного права : межвуз. сборник науч. трудов. М., 1994. С. 11.

³⁶ Зелинский А. Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Советское государство и право. 1984. № 9. С. 54.

³⁷ Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. 1994. № 6. С. 62—63.

там отношений. — *Прим. В. В.)*³⁸. Это избавит правоприменителя от необходимости устанавливать осознание виновным общественной опасности совершаемых действий (осознания причинения вреда общественным отношениям как типизированным связям), что проблематично в силу их абстрактности и сложности для восприятия.

Таким образом, противопоставлять интерес и общественные отношения нет смысла. Люди вступают в социальные связи и отношения, содержанием которых является деятельность его участников, направленная на реализацию интереса и удовлетворение на этой основе потребностей. И в то же время интересы субъектов реализуются в отношениях. Объектом престу-

пления следует признавать правоохраняемые (законные) интересы как правовую дозволенность, выражающуюся в стремлениях субъекта пользоваться определенными благами и гарантированную государством. Это позволяет установить социальный характер последствий преступления и, соответственно, непосредственный объект преступления, когда общественные отношения выражаются в деятельности субъектов (в динамическом аспекте) и последствия деяния. Это также позволяет систематизировать нормы Особенной части УК РФ по главам на основании однородности интересов субъектов и конкретизировать предмет предвидения интеллектуального момента вины.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бимбинов А. А. Ненасильственные половые преступления. — М., 2017. — 160 с.
2. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность: ее основание в советском уголовном праве. — М., 1963. — 275 с.
3. Векленко С. В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. — Омск, 2002. — 192 с.
4. Глистин В. К. Проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений (объект и квалификация преступления). — Л., 1979. — 127 с.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. — М., 2000. — 411 с.
6. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. — М., 1975. — 182 с.
7. Елисеев С. «Хищение похищенного»: проблемы квалификации // Уголовное право. — 2008. — № 1. — С. 45—49.
8. Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). — Томск, 1999. — 176 с.
9. Елисеев С. А. Спорные положения постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 4. — С. 60—65.
10. Загородников Н. И. Объект преступления: от идеологизации содержания к естественному понятию // Проблемы уголовно-правовой политики и уголовного права: Межвуз : сборник научных трудов. — М., 1994. — С. 5—22.
11. Замосковцев П. В. Некоторые вопросы системы Особенной части Советского уголовного законодательства // Сибирские юридические записки. — Омск — Иркутск, 1971. — С. 3—12.
12. Здравомыслов А. Г. Проблема интереса в социологической концепции. — Л., 1964. — 74 с.
13. Зелинский А. Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Советское государство и право. — 1984. — № 9. — С. 52—58.

³⁸ Кулыгин В. В. Виновная ответственность и субъективное вменение в уголовном праве. Хабаровск, 1996. С. 48 ; Векленко С. В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. Омск, 2002. С. 149, 162 ; Складов С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004. С. 38, 49.

14. Каиржанов Е. К. Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления. — Алма-Ата, 1973. — 160 с.
15. Клепицкий И. А. Собственность и имущество в уголовном праве // Государство и право. — 1997. — № 5. — С. 74—83.
16. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. — М., 1980. — 248 с.
17. Кузнецов А. В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР. — М., 1969. — 160 с.
18. Кулыгин В. В. Виновная ответственность и субъективное вменение в уголовном праве. — Хабаровск, 1996. — 60 с.
19. Ляпунов Ю. И. Уголовно-правовая охрана природы органами внутренних дел. — М., 1974. — 151 с.
20. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. — СПб., 2004. — 359 с.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М., 1961. — Т. 18. — 807 с.
22. Матузов Н. А. Личность. Права. Демократия (теоретические аспекты субъективного права). — Саратов, 1972. — 292 с.
23. Матузов Н. И. Правовая система и личность. — Саратов, 1987. — 293 с.
24. Михлин А. С. Последствия преступления. — М., 1969. — 104 с.
25. Мотин О. А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2005. — 31 с.
26. Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. — М., 1960. — 229 с.
27. Складов С. В. Вина и мотивы преступного поведения. — СПб., 2004. — 326 с.
28. Складов С. В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Государство и право. — 1997. — № 9. — С. 64—68.
29. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. — 1994. — № 6. — С. 55—68.
30. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая : в 2 т. — М., 1994. — Т. 1. — 380 с.
31. Тацкий В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. — Харьков, 1988. — 197 с.
32. Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Свердловск, 1971. — 38 с.
33. Фролов Е. А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Сборник ученых трудов. — Вып. 10. — Свердловск, 1969. — С. 184—224.
34. Хиллута В. В. Предмет преступления в науке уголовного права: проблемы и противоречия // Журнал российского права. — 2016. — № 17. — С. 70—79.
35. Шептулин А. П. Система категорий диалектики. — М., 1967. — 375 с.
36. Шишко И. В. Экономические преступления: вопросы юридической оценки и ответственности. — СПб., 2004. — 307 с.
37. Яни П. С. О значении принципа *ignorantia juris nocet* для вменения составов экономических преступлений // Уголовное право в XXI веке : материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ 31 мая 2001 г. — М. : ЛексЭст, 2002. — С. 234—238.

Материал поступил в редакцию 6 марта 2018 г.

DETERMINATION OF THE INTERESTS OF THE SUBJECTS OF RELATIONS AND SPECIFICATION OF THE OBJECT OF THE CRIME

VINOKUROV Viktor Nikolaevich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
VinokurSiblaw@mail.ru
660131, Russia, Krasnoyarsk, ul. Rokossovskogo, d. 20

Abstract. *The paper deals with the significance of the interests of the subjects of relations in establishing the object of the crime. The concept of “an object of the crime — public relations” is universal, but it has a drawback: as a phenomenon, social relations are intangible, and as a concept they are abstract. This creates difficulties for the law enforcement officer. According to the author, one of the ways to concretize the object of the crime is to consider it in light of the interests of the subjects as an opportunity to act or remain in a certain state. The Criminal Law irrespective of specific, private cases, provides for the protection of potential possibilities of citizens, the implementation of which contributes to the development of the society. It makes no sense to oppose public relations and interests, since relations arise and develop for the realization of the subject’s interests. An interest in determining social harm to public relations acquires specific importance that is expressed in the activities of their subjects, such as relations in the field of economic activity. The negative consequences of the impact on relations in question do not appear immediately, but after a certain time, which makes it difficult to establish awareness of social danger. According to the author, in order to concretize the subject of anticipation, the law enforcer should establish the awareness of the subject of not the public danger, but of the social significance of his actions and the anticipation of the occurrence of not socially dangerous consequences, but the possibility of doing harm to the interests of the individual, society and the state.*

Keywords: *Interests, object of the crime, possibility to act, social relations, subject of anticipation.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bimbinov A. A. Nenasil'stvennye polovye prestupleniya. — M., 2017. — 160 s.
2. Braynin Ya. M. Ugolovnaya otvetstvennost' ee osnovanie v sovetskom ugolovnom prave. — M., 1963. — 275 s.
3. Veklenko S. V. Ponyatie, sushchnost', sodержание i formy viny v ugolovnom prave. — Omsk, 2002. — 192 s.
4. Glistin V. K. Problemy ugolovno-pravovoy okhrany obshchestvennykh otnosheniy (ob'ekt i kvalifikatsiya prestupleniya). — L., 1979. — 127 s.
5. Gribov V. P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav. — M., 2000. — 411 s.
6. Demidov Yu. A. Sotsial'naya tsennost' i otsenka v ugolovnom prave. — M., 1975. — 182 s.
7. Eliseev S. «Khishchenie pokhishchennogo»: problemy kvalifikatsii // Ugolovnoe pravo. — 2008. — № 1. — S. 45—49.
8. Eliseev S. A. Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossii (voprosy teorii). — Tomsk, 1999. — 176 s.
9. Eliseev S. A. Spornye polozheniya postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 12 ot 9 iyulya 2013 g. «O sudebnoy praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inykh korruptsionnykh prestupleniyakh» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2014. — № 4. — S. 60—65.
10. Zagorodnikov N. I. Ob'ekt prestupleniya: ot ideologizatsii sodержaniya k estestvennomu ponyatiyu // Problemy ugolovno-pravovoy politiki i ugolovnogo prava: Mezhevuz : sbornik nauchnykh trudov. — M., 1994. — S. 5—22.

11. Zamoskovtsev P. V. Nekotorye voprosy sistemy Osobennoy chasti Sovetskogo ugovolnogo zakonodatel'stva // Sibirskie yuridicheskie zapiski. — Omsk — Irkutsk, 1971. — S. 3—12.
12. Zdravomyslov A. G. Problema interesa v sotsiologicheskoy kontseptsii. — L., 1964. — 74 s.
13. Zelinskiy A. F. Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty neosoznavaemoy psikhicheskoy deyatel'nosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1984. — № 9. — S. 52—58.
14. Kairzhanov E. K. Interesy trudyashchikhsya i ugovolnii zakon. Problemy ob"ekta prestupleniya. — Alma-Ata, 1973. — 160 s.
15. Klepitskiy I. A. Sobstvennost' i imushchestvo v ugovolnom prave // Gosudarstvo i pravo. — 1997. — № 5. — S. 74—83.
16. Korzhanskiy N. I. Ob"ekt i predmet ugovolno-pravovoy okhrany. — M., 1980. — 248 s.
17. Kuznetsov A. V. Ugolovno-pravovaya okhrana interesov lichnosti v SSSR. — M., 1969. — 160 s.
18. Kulygin V. V. Vinovnaya otvetstvennost' i sub"ektivnoe vmenenie v ugovolnom prave. — Khabarovsk, 1996. — 60 s.
19. Lyapunov Yu. I. Ugolovno-pravovaya okhrana prirody organami vnutrennikh del. — M., 1974. — 151 s.
20. Mal'ko A. V., Subochev V. V. Zakonnye interesy kak pravovaya kategoriya. — SPb., 2004. — 359 s.
21. Marks K., Engel's F. Sochineniya. — M., 1961. — T. 18. — 807 s.
22. Matuzov N. A. Lichnost'. Prava. Demokratiya (teoreticheskie aspekty sub"ektivnogo prava). — Saratov, 1972. — 292 s.
23. Matuzov N. I. Pravovaya sistema i lichnost'. — Saratov, 1987. — 293 s.
24. Mikhlin A. S. Posledstviya prestupleniya. — M., 1969. — 104 s.
25. Motin O. A. Chastnyi interes v sisteme ob"ektov ugovolno-pravovoy okhrany : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Volgograd, 2005. — 31 s.
26. Nikiforov B. S. Ob"ekt prestupleniya po sovetskomu ugovolnomu pravu. — M., 1960. — 229 s.
27. Sklyarov S. V. Vina i motivy prestupnogo povedeniya. — SPb., 2004. — 326 s.
28. Sklyarov S. V. Ponyatie khishcheniya v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii: teoreticheskiy analiz // Gosudarstvo i pravo. — 1997. — № 9. — S. 64—68.
29. Sovremennyye tendentsii razvitiya ugovolnogo zakonodatel'stva i ugovolno-pravovoy teorii // Gosudarstvo i pravo. — 1994. — № 6. — S. 55—68.
30. Tagantsev N. S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsii. Chast' Obshchaya : v 2 t. — M., 1994. — T. 1. — 380 s.
31. Tatsiy V. Ya. Ob"ekt i predmet prestupleniya v sovetskom ugovolnom prave. — Khar'kov, 1988. — 197 s.
32. Frolov E. A. Ob"ekt ugovolnopravovoy okhrany i ego rol' v organizatsii bor'by s posyagatel'stvami na sotsialisticheskuyu sobstvennost' : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Sverdlovsk, 1971. — 38 s.
33. Frolov E. A. Spornyye voprosy obshchego ucheniya ob ob"ekte prestupleniya // Sbornik uchenykh trudov. — Vyp. 10. — Sverdlovsk, 1969. — S. 184—224.
34. Khilyuta V. V. Predmet prestupleniya v nauke ugovolnogo prava: problemy i protivorechiya // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2016. — № 17. — S. 70—79.
35. Sheptulin A. P. Sistema kategoriy dialektiki. — M., 1967. — 375 s.
36. Shishko I. V. Ekonomicheskie prestupleniya: voprosy yuridicheskoy otsenki i otvetstvennosti. — SPb., 2004. — 307 s.
37. Yani P. S. O znachenii printsipa ignorantia juris nocet dlya vmeneniya sostavov ekonomicheskikh prestupleniy // Ugolovnoe pravo v XXI veke : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii na yuridicheskom fakul'tete MGU 31 maya 2001 g. — M. : LeksEst, 2002. — S. 234—238.